

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

Нина Воронель

МАЛЕНЬКИЙ КАНАТОХОДЕЦ, или "КОВАРСТВО И ЛЮБОВЬ"

Пьеса посвящена романтическим отношениям между Рихардом Вагнером и Михаилом Бакуниным, завершившимся их совместным участием в Дрезденской революции 1849 года. Революция была разгромлена, и руководители ее арестованы – все, кроме Вагнера, который спасся, посодействовав своему зятю, заместителю начальника полиции города Хемниц, в аресте своих сподвижников. Зять помог Вагнеру бежать за границу, где он 16 лет провел в ссылке. Бакунин был приговорен к смертной казни, которую австрийское правительство заменило выдачей мятежника русскому царю Николаю I, лично его ненавидевшему. Восемь страшных лет Бакунин провел в темной камере Петропавловской крепости, откуда после смерти Николая был сослан в Сибирь. Из Сибири он умудрился бежать через Японию в Европу, где посвятил остаток своей жизни созданию теоретических и практических основ террористического движения. Кем стал Вагнер, знает весь мир.

Бывшие друзья много лет прожили в получасе езды друг от друга на берегу Люцернского озера, но ни разу за эти годы не пожелали встретиться.

Пьеса написана в стиле трагической комедии или, вернее, в стиле комической трагедии.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Рихард Вагнер – крошечный человечек, почти карлик. Возраст зависит от ситуации

Канатоходец – альтер эго Вагнера, высокий, красивый, молодой.

Мишель Бакунин – красавец огромного роста.

Жены Вагнера:

1-я жена, Минна – рано постаревшая певичка.

2-я жена, Козима – очень высокая, дочь Франца Листа.

Клара – сестра Вагнера.

Зять – муж Клары, полицейский высокого ранга.

Незначительная массовка – официанты, революционеры, полицейские, штурмовики.

1939 год. Крыша пражского концертного зала Рудольфинум – по краю крыши расставлены бюсты великих композиторов, среди которых Моцарт, Бах, Бетховен, Вагнер и Мендельсон. Внизу под звуки военного марша проходит германская оккупационная армия.

ГОЛОС ЛЕЙТЕНАНТА (внизу). Взвод, стой! Двое – на крышу мар-рш! Сбросить оттуда бюст еврея Мендельсона!

На крышу по пожарной лестнице поднимаются два солдата, бродят среди бюстов.

1-Й СОЛДАТ (кричит вниз). А как узнать, который Мендельсон? Табличек с именами нет.

ГОЛОС ЛЕЙТЕНАНТА (снизу). Сбрасывай того, у кого нос больше!

2-Й СОЛДАТ (указывая на бюст Вагнера). Значит, этот. Видишь, какой рубильник?

Раскачивают бюст Вагнера и сталкивают вниз. Слышен грохот и звон.

ГОЛОС ЛЕЙТЕНАНТА (снизу). Идиоты! Что вы наделали? Это же Рихард Вагнер – любимый композитор фюрера!

Площадь перед Рудольфинумом.

ЛЕЙТЕНАНТ (разгребая осколки, вглядывается в лицо разбитого бюста). Точно, Вагнер! *(Кричит солдатам.)* Спускайтесь быстрее и валите отсюда, пока никто нас не засек! *(Убегает, солдаты бегут за ним.)*

С крыши спускается канат, по канату спускается маленький канатоходец, склоняется над бюстом Вагнера.

КАНАТОХОДЕЦ (*щупает осколки бюста Вагнера и плачет*). Бедный Рихард, тебе очень больно? Какие невежды, спутали величайшего композитора всех времен Вагнера с жалким задавакой Мендельсоном!

Бюст оживает, превращаясь в живого Рихарда.

РИХАРД. Это все мерзавец Мендельсон! Это он мне подстроил! Он давно мечтал, чтобы я разбился! Никогда не забуду, как надменно он улыбался, когда моего "Тангейзера" освистали в Париже. Он стоял на лестничной площадке у входа в оперный зал и сиял от радости, что "Тангейзер" провалился. (*Грозит кулаком в сторону крыши.*) Недолго тебе там стоять наверху! Попомни мое слово, наглый жиденок!

Появляется лейтенант с солдатами и с тачкой.

ЛЕЙТЕНАНТ (*указывает на бюст Вагнера*). Этого отправить в ремонт и выяснить, какой негодяй его сбросил. (*Два солдата увозят бюст Вагнера на тачке.*) А вы – марш на крышу и сбросьте жид Мендельсона, он третий слева!

Солдаты поднимаются на крышу, через минуту слышен грохот и звон осколков. Лейтенант и солдаты уходят.

Канатоходец идет по канату над сценой, где появляется шатер бродячего цирка. Слышны обрывки музыки и шум ярмарочной толпы.

КАНАТОХОДЕЦ. Вот так и болтаюсь в воздухе с тех пор, как Рихард вообразил себя канатоходцем.

Входят Рихард и Козима – она очень высокая, он очень маленький. Задрав головы, они смотрят на канатоходца.

КАНАТОХОДЕЦ. Это случилось, когда они с Козимой во время прогулки зашли в шатер цирка на базарной площади. Юный канатоходец, бесстрашно улыбаясь, шел по канату под потолком. Рихард не мог оторвать от него глаз.

Канатоходец отступает, но находит равновесие и идет дальше. Козима выбегает из шатра и, закрыв глаза ладонями, прислоняется лицом к столбу. Заметив, что Козимы нет рядом с ним, Рихард протискивается сквозь толпу и подходит к ней.

РИХАРД (*отводя ее ладони от глаз*). Что с тобой?

КОЗИМА (*вся дрожит*). Я не могу спокойно смотреть, когда человек так отчаянно рискует жизнью.

РИХАРД. Ты имеешь в виду меня?

КОЗИМА (*шепчет испуганно*). Нет, нет, что ты! При чем тут ты?

Рихард уводит Козиму и возвращается.

РИХАРД. Я вдруг понял, что канатоходец – это я, и она, конечно, тоже подумала обо мне. Ведь я всю жизнь иду над бездной по туго натянутому канату и не знаю, когда сорвусь.

КАНАТОХОДЕЦ. Не успел я родиться, как весь мир вокруг рухнул – армия Наполеона бежала из России через наш город, русская армия ее догоняла. И моя бедная мама, загрузив в телегу восемь детей и меня, двухмесячного, пустилась наутек от войны. Отец умер по дороге от тифа, но мама довезла меня живым до Дрездена.

РИХАРД. Мне не было и полугода, как мама вышла замуж за друга отца художника Людвига Гейера, и до тринадцати лет меня называли Рихард Гейер.

КАНАТОХОДЕЦ. Представляете, создатель новой немецкой оперы – великий Рихард Гейер. (*Кувыркаясь на канате, дразнит Рихарда.*) Рихард Гейер – ку-ку! Гейер-ку-ку!

РИХАРД. Заткнись!

КАНАТОХОДЕЦ. Чего ты сердишься? Может, тебе в этом имени слышится что-то еврейское?

РИХАРД. С чего вдруг еврейское?

КАНАТОХОДЕЦ. Вовсе не вдруг. Ты прекрасно знаешь, что многие евреи называли себя по именам городов, в которых жили.

РИХАРД. Ну и что?

КАНАТОХОДЕЦ. А то, что под Дрезденом есть городок Гейер!

РИХАРД. Какая чушь! Это тебе наболтал подонок Ницше? Подумать только – много лет он был моим лучшим другом. Он неделями жил у нас в Байройте. Но в конце концов пришлось отказать ему от дома из-за его гнусных сплетен.

КАНАТОХОДЕЦ. Но какая-то правда в его сплетнях была, иначе ты бы не выгнал из дому лучшего друга.

РИХАРД. А даже если у Людвига Гейера была капля еврейской крови, при чем тут я?

КАНАТОХОДЕЦ. Злые языки говорят, что ты очень похож на своего отчима. Я даже сравнивал его портрет с твоим – просто одно лицо!

РИХАРД (*заходится в истерике*). Заткнись, сейчас же заткнись, или я убью тебя! (*Подпрыгивает, пытается сдернуть канатоходца с каната, но не может дотянуться.*) Скотина! Гнусная скотина!

КАНАТОХОДЕЦ. Такая же гнусная, как и ты! (*Протягивает Рихарду руку.*) Ну, схвати меня, схвати! Слабо тебе, малыш! Слабо!

РИХАРД (*мечется по сцене, напрасно подпрыгивая и швыряя в канатоходца разные предметы. Визжит.*) Убью-ю-ю!

КАНАТОХОДЕЦ (*усаживается на канате, закинув нога за ногу*). Ну, убей, убей! Только кем ты будешь без меня? Еврейчиком Рихардом Гейером? Ведь это я, а не ты – Рихард Вагнер, гордость немецкой музыки!

Появляется Козима и пытается успокоить Рихарда.

КОЗИМА. Тише-тише, не надо так кричать.

РИХАРД (*отталкивая ее*). Пошла вон, старая шлюха!

КОЗИМА (*берет крошку Рихарда на руки, как ребенка и укачивает*). А-а-а! А-а-а! Тише-тише, детка, зачем так грубо?

РИХАРД. А что, разве ты не шлюха? Скольких детей ты родила от меня, пока считалась женой Ганса?

КОЗИМА. Не могла же я признаться Гансу, что ты мой любовник? Он был тогда дирижером всех твоих опер.

РИХАРД. Но дети-то были мои?

КОЗИМА. Твои, конечно, твои! А-а-а-а! (*Продолжает укачивать Рихарда.*) Ведь ты же любишь этих детей? Ты их обожаешь!

РИХАРД (*постепенно утихает*). Да, да, я их обожаю! Где они? Идем к ним скорей!

КОЗИМА (*ставит Рихарда на ноги и ведет за ручку*). Вот и хорошо, вот и славно! Идем домой к детям. (*Канатоходцу.*) Он ведь совсем не злой. Просто у него случаются приступы – он орет, топает ногами, всех бранит, а потом затихает и становится как шелковый. Помню один ужасный случай, перед самым фестивалем, когда он устроил скандал в ресторане "Странствующий рыцарь".

Появляется ресторан "Странствующий рыцарь", Рихард и Козима сидят за столом с двумя братьями-мастеровыми.

РИХАРД. Вы уже месяц назад должны были изготовить плавающий аппарат для хоровода русалок в "Золоте Рейна". А его все нет.

1-Й БРАТ *(смущенно)*. Да вот не успели...

2-Й БРАТ. Герцог Мейнингенский заказал нам новые ширмы для своего театра, и весь месяц мы были заняты этим заказом...

РИХАРД. Почему его заказом, а не моим?

2-Й БРАТ. Он же герцог...

РИХАРД *(вскакивает и в приступе ярости начинает швырять на пол тарелки)*. Значит, я, Рихард Вагнер, создатель искусства будущего, для вас такой же клиент, как этот хер собачий? Он только тем и хорош, что получил титул по наследству!

КАНАТОХОДЕЦ *(влетает в окно и раскачивается на люстре)*. Ату их! Ату!

РИХАРД *(срывает со стола скатерть с посудой и бутылками)*. Да я его! Да я вас! В землю втопчу!

КАНАТОХОДЕЦ *(раскачиваясь)*. Так их, гадов! Дави их, как клопов!

Рихард вскакивает на стул, срывает люстру и падает на пол в судорогах. Канатоходец шлепается на пол.

РИХАРД *(медленно поднимается и озирается по сторонам)*. Что это было – землетрясение, ураган?

КОЗИМА. Ты немного погорячился, дорогой.

КАНАТОХОДЕЦ *(взлетая на канат)*. Совсем немного. Чуть-чуть побушевал!

РИХАРД *(озираясь)*. И все это я натворил? Разбил эти тарелки и бутылки с вином?

КАНАТОХОДЕЦ. Но не я же, ты понимаешь?

РИХАРД. Да, да! Конечно, я! Какой позор! Но я ничего не помню! *(Бухается на колени перед мастерами)*. Простите меня, господа! И мы снова будем работать вместе, да? Ведь скоро мой знаменитый фестиваль!

КАНАТОХОДЕЦ. Как, он уже знаменитый? Он ведь еще не состоялся!

РИХАРД. Он будет очень знаменитый, помяни мое слово!

Канатоходец хохочет, Козима уводит Рихарда. Перед ними возникает их дом – над входом выбито его имя "Винифрид" – "Утоли мои печали".

КОЗИМА. Ну, вот мы и дома.

РИХАРД. Как хорошо вернуться в наш замечательный дом, который я спланировал сам.

Рихард и Козима входят в высокий зал, который, как в церкви, уходит под крышу. В центре на помосте стоит рояль.

КАНАТОХОДЕЦ (*ходит по канату, натянутому между этажами*). Остроумно, не правда ли? Гости видят только высокий, уходящий под крышу сводчатый зал и грациозные галереи, окаймляющие второй и третий этаж.

РИХАРД. А винтовые лестницы, соединяющие наши личные спальни, встроены во внутренние углы комнат. Они напоминают хитроумное строение человеческого тела, в котором все низменное спрятано глубоко под кожей...

КАНАТОХОДЕЦ. ...так что для обозрения остается лишь красивое и возвышенное. Адольф Гитлер обожал этот дом. Он специально приезжал в Байройт, чтобы там пожить и рабраться вдохновения.

РИХАРД. А кто такой Адольф Гитлер? (*Опускается в кресло у рояля*). Козима, сыграй мне что-нибудь.

КОЗИМА. Но я должна приготовить детям ужин.

РИХАРД. Дети подождут. Сначала сыграй для меня, мне что-то нездоровится.

КОЗИМА (*садится к роялю*). А что сыграть?

РИХАРД. Что-нибудь из моего любимого.

КОЗИМА (*вопросительно*). Из твоего любимого?

РИХАРД. Может, хор пилигримов из "Тангейзера"?

КАНАТОХОДЕЦ. Конечно, из "Тангейзера"! Разве может быть любимой чья-то музыка, кроме своей?

РИХАРД. Я же не виноват, что еще никем не создана музыка, равная моей!

Козима играет, Рихард некоторое время слушает, но через минуту вскакивает.

РИХАРД (*кричит*). Нет, нет, не так! Зачем ты при ля-минор нажимаешь на педаль?

КОЗИМА. Но у тебя тут написано – педаль.

РИХАРД. Мало ли что написано! А ты должна сама чувствовать, когда надо нажимать, а когда не надо.

КОЗИМА *(обиженно)*. Хорошо, если я не чувствую, играй сам!

КАНАТОХОДЕЦ. Она-то играет хорошо, просто твоя музыка никуда не годится – откуда ты взял, что в мире нет тебе равных?

РИХАРД. Ты прав, тысячу раз прав – они мне не равны, эти еврейско-итальянские скорописцы! Они не равны мне, они гораздо, гораздо лучше! И потому она так плохо играет мои опусы – они ей просто противны. *(Козиме.)* Не стесняйся, доставь себе удовольствие, спой арию Виолетты из "Травиаты" этого шута горлового, Джузеппе Верди! Она ведь так тебе нравится!

КОЗИМА *(обиженно вскакивает и захлопывает крышку рояля)*. Откуда ты взял, что она мне нравится?

РИХАРД. Я слышал, как ты ее напевала, когда накрывала стол к завтраку.

КОЗИМА. Как ты мог это слышать? Ведь когда я накрывала стол к завтраку, ты еще нежился в своей роскошной ванне.

РИХАРД. Ты же знаешь, какой у меня слух – он проникает сквозь стены.

КАНАТОХОДЕЦ *(спрыгивает с каната и открывает рояль)*. И правда, почему бы не спеть что-нибудь из "Травиаты"? Например, этот дуэт! Давай, Козима, подключайся – у нас отлично получится. *(Играет.)*

РИХАРД. Давай, Козима, пой с ним, а я послушаю. Может, пойму, от чего весь мир сходит с ума.

КОЗИМА. Ты правда хочешь, чтобы я стала это петь? Ты же терпеть не можешь Верди!

РИХАРД. А может, если вы с ним хорошо споетесь, этот скорописец мне понравится.

Канатоходец и Козима, все больше увлекаясь, исполняют дуэт Альфреда и Виолетты.

РИХАРД *(лежит в кресле, закрыв глаза. Но через пару минут вскакивает и кричит)*. Хватит! Прекратите! Вы меня уже убедили, что ваш Верди намного лучше моего Вагнера. Как у него все весело, как изящно, как остроумно! И правы эти жида и журналисты, когда пишут, что на спектаклях Вагнера от скуки даже мухидохнут!

КАНАТОХОДЕЦ *(перестает петь)*. Ты же сам попросил нас спеть.